

МОНОВЕЖЬ УЗБЕКИСТАНА. — ТАШКЕНТ. — 1991. — 28 СМТ.

ГОД НАВОИ

В эти теплые осенние дни все проникнуто атмосферой нашего глубокого уважения и любви к основоположнику узбекской литературы Алишеру Навои. Выставки, концерты, встречи, беседы, гуляния, новые интересные знакомства — приметы нынешнего праздника.

НА СНИМКАХ: концерт, посвященный Навои; портрет поэта кисти Абдулхана Абдуллаева.

Алишер НАВОИ

(Из новых переводов)

Когда мой прах, могилой взят, лежать под диким терном станет,
Плиту мне вытешет Фархад, Меджнун мне другом верным станет.

Ты говоришь, чтоб на твой лик я не смотрел, а солнце смотрит, —
Оно ж само растает вмиг, и бедствие безмерным станет.

Самой деснице смерти честь учиться у тебя коварству:
Когда такой учитель есть, и ученик примерным станет.

О, смуглость не испортит, — нет, — твой лик, сияющий красою:
Стократ красивым лунный свет под пологом вечерним станет.

Страшась безверья твоих глаз, взывает сердце к истой вере,

Но веру позабыв, тотчас оно неправовверным станет.

Как саламандра на костре, так мое сердце в дни разлуки
Пылать от страсти на заре в терпенье беспримерном станет.

Мне жало сердце сонмом жал, но говорить о ранах рано:
И стоязкий бы не стал — его рассказ прескверным станет.

Наступит памяти черед — сперва беспамятство изведай:
Кто не злопамятством живет, лишь тот нелицемерным станет.

Сплошает Навои, назвав твой стан подобным кипарису:
Ведь будет и поэт неправ, и стих несоразмерным станет!

Мир лукав, он схож с невестой, с ним не заводи бесед:
Как ни холь его, ни пестуй, к людям в нем участия нет.

Льнущий к миру беззаботен: ждет удачи, а она
К одному из многих сотен не придет и за сто лет.

Все вершит он хитрым ладом: залучит тебя в силки,
Думаешь — удача рядом, а глядишь — пропал и след.

В перстне солнца сгустки яда он готовит для людей:

Блеск его — как бы улада, но опасен тот шербет.

Ты оставь эту невесту, в этом мире ты — лишь гость:
Страннику при ней — не место, он — иным местам сосед.

Даже ежели вы двое меж собой недалеко,
Встречей с близкою мечтою ты не будешь обогрет.

Навои, свой дух очисти, с высшей сутью будь един,
Чтобы пут твоей корысти не осталось и примет.

Ни умному в любви, поверь, ни мудрому не гожд совет,
А мне зачем же ты теперь, безумному, даешь совет!
Безумцу ты не говори: «Зачем любовью жжешь себя!» —
Ведь мотыльку — мол, не гори — не подает никто ж совет!
Зачем твердят мне — мол, не смей любви и верности молить, —
Любимой дали б вы моей пресечь и зло и ложь совет.
Ханжа, тебе совет я дам: не поучай и брось хитрить, —
Уж лучше, если ты не нам, а сам себе найдешь совет.
Вот я учу тех, кто влюблен, не следовать пути любви,
Да от того, кто сам хмелен, хмельному не пригожд совет!
И что ж корить, что жажду я из уст любимой жизнь вдохнуть, —
Очами не губить меня ей был бы сколь хорош совет!
О, Навои, ведь опьянен ты кравчим насмерть в погребке,
И мне оттуда выйти вон — ну странный до чего ж совет!

В истерзанное сердце вдруг впились разлуки жала,
И так вонзились, что от мук мне в горле стон зажало.
В молитве пользы не найти: кривы михраба своды, —
Ты свод бровей любимой чти, а в вере пользы мало.
Когда мы свидимся, твой лик меня сожжет до пепла:
Все опаляющее вмиг в нем солнце рдеет ало.
Два твоих ока, словно дичь, терзают птицу сердца, —
Легко вдвоем ее настичь, поникшую устало.
Ты блеском лунной красоты затмила райских гурий,
Среди людей — таких, как ты, от века не бывало.

Да не пеняет суеслов на то, что небо криво:
Ведь и среди людских сынов нет прямооты нимало.

Вот гибнет Навои, сражен жестокою разлукой,
Главу все ниже клонит он под острие кинжала.

Державу сердца смыл поток — разлучных мук и бед разлив,
И ливень слез моих жесток, и стонов ураганный взрыв.

Любовь дом бедствий возвела, разрушив дом моей души, —
Так рушат старый дом дотла, а замену новый дом сложив.

Мне говорят — мол, ты в себе огонь стенок затаи,
Но не сокрыть в сухом снопе разящей молнии порыв.

И верно сокрушится всяк, увидев, что в степи разлук,
Безумный, я и бос и наг, бреду и сир и полужив.

Твои шипы мне в грудь впились, и содрогнется небосвод,
Едва лишь стрелы стонов авось метну я, в них шипы вложив.

И твой несправедлив упрек, что сил я в сердце не сберег:
В разлуке кровью я истек, все сердце кровью слез излив.
Твою красу хвалить не грех: не от того ль и мой успех,
Что сам я, удивляя всех, дивлюсь, как облик твой красив.
Уж у людей такая суть: их злобных козней не минуть.
Хоть ты стократ им верен будь, во всем им преданность явив.
О, Навои, ты слез не лей перед жестокою твоей:
Что розе верный соловей, как ни стенает он в надры!

Ни на кого — друзья ль, враги — нет у меня надежды,
Врагам, о боже, помоги — даруй им свет надежды.
В губительной беде моей изверился я в людях,
И нет во мне и на друзей даже примет надежды.
В водоворот столь горьких мук моей судьбой я брошен,
Что перерос во мне в испуг недавний бред надежды.
Я — твоя жертва, пожалей, лишь уст твоих я жажду,
Увы, не жду я от людей, от их бесед надежды.
Вина, о кравчий, зря не трай — ничто меня не тешит:
Как мне от чаши хмеля ждать среди бед моих надежды!
Не укоряй же, что иссяк во мне пыл веры в верность:
Кто мудр — не ждет от жизни благ и знает вред надежды.
Нет о свидании мечты — нет, Навои, и веры, —
О, верил бы в свиданье ты и чтил обет надежды!

Перевод Сергея ИВАНОВА.

Искал всю жизнь, глотая кровь, любовь свою среди людей,
Искал я долго: чем сильнее, тем реже я встречался с ней.
Искал я преданную, но по ком скучал, как по любви,
Пред кем я жертвовал душой, та предавала тем верней.
Не знал я, что среди людей и вовсе преданности нет,
Искал, скучал столь долго я, ах, жизнь того едва ль длинней.
Среди людей нет места ей, ах, я в невежестве своем
Искал ее на небесах, дождем рыдая, ей-же-ей.
Искал я тайну в тех глазах и в грешном сердце, что навзрыд,
Но разве диво, если в них чем глубже тайна, тем видней.
Я вместе с шейхом в келье той искал полосу света вверх,
Искал, но вниз, увя, в кабаке служить спустился не по ней.
Эй, Навои, коль в скорби я столь одинок, тогда к чему
Искал, искал я сам себя как на беду в кругу теней!

Перевод Хамида ИСМАЙЛОВА.